

УДК 398.224

doi: 10.18101/1994-0866-2017-6-201-208

**ОБРАЗ БУДДИЙСКОГО БОЖЕСТВА В ЭПОСЕ «ГАЛВЫН УЛГЭР»
(«СКАЗАНИЕ О КАЛЬПЕ»)**

© *Аюшеева Эржена Баировна*

лаборант-исследователь отдела литературоведения и фольклористики,
Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН
Россия, 670047, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6
E-mail: erzhen03@bk.ru

Статья посвящена определению роли и статуса верховного буддийского божества в монгольском эпосе «Галвын улгэр» в сравнительном аспекте эпосов, объединенных тэнгристской основой. Выявляется последовательность замены исконных эпических персонажей буддийскими вследствие усиливающегося влияния этого религиозного учения на территории монгольского мира. Так, привнесенный буддийский персонаж Шагжамуни в ряде случаев подменяет Хана Хурмасту в функции божества-покровителя, притом с очевидной буддийской тенденциозностью. В связи с широким распространением буддизма покровители героя-богатыря, которые в более ранних эпических текстах были мифологическими персонажами исконной культурной традиции, позднее заменяются представителями новой религии. Для сравнения автором привлекаются как устные, так и письменные памятники эпического творчества монгольских народов, что позволяет наиболее полно представить трансформацию буддийского персонажа. Впервые рассматриваются традиционные для данных эпосов мотивы и их функционирование в эпическом тексте, что позволяет продемонстрировать замену буддийских божеств исконными шаманскими персонажами.

Ключевые слова: эпос; образ; персонаж; монгольский эпос; буддийское божество; мотив; улигер.

Эпическое произведение «Галвын улгэр», записанное от непрофессионального улигершина в конце XX в., представляет собой произведение монгольской эпической традиции, в котором представлен пантеон шаманских божеств, в известной степени трансформированный буддийским влиянием, что является характерным для монгольской устной эпической традиции, которая испытала заметное воздействие в результате распространения буддийского учения на территории Монголии.

«Сказание о кальпе», несомненно, представляет интересный материал для исследования темы буддийского влияния на монгольские эпические тексты. Особенность этого улигера состоит в том, что он, будучи записанным от человека, принадлежавшего племени хорчинов, представляет собой восточномонгольскую сказительскую традицию, которая, обнаруживая достаточно выразительные параллели не только с монгольской версией Гэсэриады, но и с различными вариантами бурятского эпоса о Гэсэре, является при этом уникальным произведением фольклора Внутренней Монголии.

Б. Я. Владимирцов предполагает, что эпопеи такого рода наряду с тем, что сохраняют отголоски старой шаманской и, возможно, общемонгольской

мифологии, все же демонстрируют падение шаманского духа вместе с исчезновением персонажей шаманского пантеона, который стал постепенно заменяться духами и святыми ламаизма, в том числе самим Буддой [2, с. 42]. В эпосе «Галвын улгэр» обнаруживается достаточное количество буддийских понятий, но особый интерес вызывает персонаж, представляющий собой верховное буддийское божество Шагжамуни (одно из имен Будды).

Бытует мнение о том, что монгольские эпические произведения более подвержены буддийскому влиянию, нежели бурятские устные сочинения, которые сохраняют архаичный мифологический материал. Отметим, что данный персонаж присутствует в небесном пантеоне божеств не только в эпосе «Галвын улгэр», но и в бурятских тэнгристских текстах, взятых нами для сравнительного анализа. Исследуя роль и статус Шагжамуни в «Галвын улгэр», рассмотрим в сравнительном аспекте эпосы «Абай Гэсэр-хубун» Маншута Имегенова (эхирит-булагатский вариант), считающийся самым архаичным, унгинский сказительский вариант П. Петрова «Абай Гэсэр», а также монгольский эпос «Гэсэр — искоренитель десяти зол в десяти странах света». Во всех названных эпических произведениях встречается разное написание имени верховного буддийского божества. В «Галвын улгэр» это Шагжамуни, в унгинской Гэсэриаде Будда представлен персонажем Шубэгэнэ Шутэгтэ бурхан, а в монгольском эпосе — Шигемуни.

Слово «кальпа» в название эпоса вынесено не случайно, потому что хозяином настоящей кальпы в эпосе «Галвын улгэр» предстает Шагжамуни, как один из основных персонажей. Во вступительной части «Сказания о кальпе» упоминаются только три кальпы: минувшая первая (когда состоялось собрание богов и назначение Шагжамуни владыкой третьей кальпы), заканчивающаяся вторая (во время которой Шагжамуни предавался медитации, забыв о своей миссии) и наступающая третья, в которой происходит действие произведения. Согласно буддийской редакции текста хорчинского эпоса, главное буддийское божество, будучи владыкой кальпы, следит за равновесием в мире живых существ. Шагжамуни не раз приходит на подмогу тэнгриям, спустившимся на землю с целью спасения людей по велению Хана Хурмасты, и именно он выступает действующим лицом в мотиве дарения солнца: «Шагжамуни же дарит людям, пребывавшим доселе в крошечной темноте, солнце» [6, с. 15]. Функция главного божества в мифологических представлениях разных народов часто связана с мотивом дарения света/солнца. Мотив дарения в эпосе «Галвын улгэр» придает Шагжамуни, на наш взгляд, образ величавого и щедрого божества, что, несомненно, достаточно красноречиво показывает степень влияния буддийской традиции на устный эпический текст.

Как уже было отмечено, буддийская обработка эпоса «Сказание о кальпе» происходит в первую очередь на уровне пантеона небожителей, причем это не просто появление вставного религиозного образа буддийского гения Шагжамуни, но и подмена ключевых персонажей, принадлежащих шаманской мифологической традиции, этим божеством. Замена подвергаются не только исконные образы божеств, которые упоминаются еще и во многих шаманских обрядах, но и Хан Хурмаста, который был привнесен в эпиче-

ские произведения монголов намного ранее. Этот персонаж считается наследием раннего уйгурского, не тибетского, буддизма, оставившего свой след в монгольской устной культуре задолго до появления Шагжамуни. М. П. Хомонов пишет, что в монгольской Гэсэриаде индийское божество Шигемуни (Сакьямуни) играет достаточно активную роль [5, с. 51].

При более подробном рассмотрении функционирования в тексте персонажа, который занимает особое место среди тэнгристских божеств в «Сказании о кальпе», обнаруживаем подтверждение высказанных выше предположений. Шагжамуни в функции божества-покровителя может подменить Хана Хурмасту — одного из покровителей героя-богатыря в более ранних эпических текстах. Так, например, в «Галвын улгэр» описывается сцена оказания помощи Шагжамуни герою улигера — Хар-батору во время его схватки с могущественной дочерью владыки мангусов — Галвин Сеерий, где божество нисходит с грозового неба: «Хозяин кальпы Шагжамуни в желтой накидке жанча, в левой руке держа чашу бавар, в правой сжимая ваджру (очир)» — *Галвын эзэн Шагжамуни шар жанчаа нөмрөөд, зуун гартаа бавар аягаа бариад, баруун гартаа очироо зангаад ирэв гэнэ* [6, с. 32]. Согласно утверждению Б. В. Путилова, который выделяет три группы мотивов относительно их динамичности [4, с. 190], в этом эпизоде присутствует статичный мотив-описание, включающий в себя подробное описание буддийских атрибутов, которые придают Шагжамуни торжественно-величавый вид. Данный мотив описания буддийского божества, патетически появившегося перед героем со всеми религиозными атрибутами, перекликается с подробным описанием одежды богатырей-героев бурятского эпоса, в которую они облачаются перед походом. Примечательно, что вставка в текст эпоса персонажа Шагжамуни вместе со всеми его буддийскими атрибутами подчиняется правилам художественного построения бурятского эпоса. С такой же торжественностью описывается ритуал снаряжения богатыря, до мелочей перечисляются все атрибуты его пышного убранства.

Одним из основных в героическом эпосе монгольских народов является мотив покровительства. Поэтому следует указать, что Шагжамуни, будучи привнесенным эпическим персонажем, в разных текстах эпосов в мотиве покровительства заменяет собой другое божество, чаще представляющее добуддийскую мифологическую традицию. Так, в эхирит-булагатском, самом архаичном, варианте эпоса о Гэсэре герою помогают творец-создатель Гэсэра Заян Саган, пятьдесят пять западных тэнгриев, а также тысяча светлых бурханов, именно они спускают для героя необходимые атрибуты, коня и оружие.

В унгинской версии Гэсэриады покровительствующим Гэсэру персонажем выступает Манзан Гурмэ, прародительница тэнгриев. По мнению многих эпосоведов, бурятский эпос был создан в эпоху родового строя и разложения матриархата. Поэтому высшая власть и право решать спорные вопросы, а также советовать и осуждать принадлежит в «Абай Гэсэр» Манзан Гурмэ бабушке. Этим объясняется активность этого персонажа в эпическом действии.

В монгольской Гэсэриаде покровителем Гэсэра выступают три тэнгрия в лице Хормусты, который, как и тысяча светлых бурханов в эхирит-булагатской версии, берет на себя роль покровителя героя. Замена покровительствующего главному герою персонажа на буддийское верховное божество с сохранением самого действия представляет собой новый замещающий вставной мотив, который наблюдается в рассматриваемом нами «Галвын улгэр» и монгольском варианте эпоса о Гэсэре. Возможно, согласно теории В. Я. Проппа об инвариантности мотива [3, с. 32–33], здесь происходит замещение действующего лица в структуре мотива, в результате которого возникает вариант мотива, т. е. конкретное его воплощение в тексте. При этом, конечно, меняется и семантическая линия мотива. На основе сравнения «Галвын улгэр» с эхирит-булагатским эпосом «Абай Гэсэр-хубун» буддийское божество Шагжамуни в одном из эпизодов явно заменяет собой Заян Сагана. При рассмотрении хорчинского эпоса и унгинского варианта Гэсэриады заметим, что Шагжамуни в «Галвын улгэр» выполняет функции персонажа Манзан Гурмэ, которая в унгинском эпосе является не просто покровителем Гэсэра, но и активным действующим лицом. Также в функции покровителя героя-богатыря в ряде эпизодов наблюдается замена Хормусты. Причем подобная замена исконного действующего лица на буддийское божество выполняется в «Галвын улгэр» не механически, как об этом говорил Б. Я. Владимирцов [2, с. 42] по отношению к монгольским эпосам, а очень искусно, максимально приближая вставной элемент к исконной художественной форме эпоса.

Мотив явления покровителя и оказание им помощи является, по всей видимости, мотивом, дополняющим мотив покровительства. Он встречается в эпизоде, где Шагжамуни спускается с неба, чтобы помочь Хар-Батору победить одного из мангусов, и делает внушение герою обращаться к нему в трудные минуты. Сходный эпизод прослеживается в «Галвын улгэр» и эхирит-булагатском варианте бурятского эпоса «Абай Гэсэр-хубун». В одной из сцен хорчинского эпоса Шагжамуни умиротворяет мангусову воительницу, пригрозив ей громами небесными, а герою говорит: *«Я твой покровитель, буду смотреть за тобой, пока ты находишься на земле. Впредь в случае опасности взывай ко мне с молитвой ом мани бадмэ хум»* — *Би чамайг хаа яваа газар чинь харж дагадаг багш чинь юм. Аюул тулсан цагтаа Шагжамуни багш минь, ом мани бадмэ хум гэж нэг дуудвал би ирж туслана гэж* [6, с. 32]. В этом эпизоде примечательно не только появление буддийской мантры, которая является вспомогательным элементом, чтобы вызвать помощь покровителя, но и полная замена исконного персонажа буддийским. Это мы можем наблюдать, приведя для сравнения схожий по содержанию мотив из эпоса «Абай Гэсэр-хубун».

Прообразом Шагжамуни в эхирит-булагатском эпосе выступает мифологический персонаж Заян Саган, он же Старец Зарлиг, который выступает творцом-покровителем главного героя в прологе эпоса «Абай Гэсэр-хубун». Отметим, что Заян Саган в эхирит-булагатской мифологии считается главой пятидесяти пяти тэнгриев и упоминается в одном ряду с верховными божествами во многих шаманских обрядах. Этот персонаж в тексте эпического

произведения имеет воплощение в лице Светлого старца Зарлига, которого Гэсэр встречает по пути к нареченной ему Гагурай Ногон — дочери восточного божества Галта Улана с целью сватовства. Старец Зарлиг дает Гэсэру ценный совет видоизменить себя и коня, чтобы быстрее достигнуть цели. Но перед превращением старик открывает герою свою истинную сущность и предстает перед ним «сотворившим его творцом», а также наказывает призывать его в трудные моменты [1, с. 93–94]. Сцена явления творца-покровителя практически не изменяется, при этом, так же как и в «Галвын улгэр», в рассматриваемом мотиве явления творца-покровителя происходит подмена действующего лица с сохранением его функции в тексте, только теперь действующее лицо представляет буддийское верховное божество, оказывающее помощь герою в его высокой миссии спасения людей. Естественно, также меняется семантическая направленность произведения.

Говоря о механической замене в монгольском эпосе, шаманистских понятий и персонажей буддийскими, в эпосе «Галвын улгэр» следует обратить внимание на контаминацию буддийских и шаманских понятий. С этой точки зрения наиболее интересным представляется эпизод, в котором Шагжамуни дает совет Хар-батору, как победить одного из главных мангусовых богатырей. По указанию божественного учителя герой побеждает своего противника Суунаг Цаган тэнгрия, родившегося в образе мангуса: «У Суунаг Цаган тэнгрия в двух огненных змеях, переброшенных через левое и правое плечи, светились шесть букв священной буддийской мантры как знак умиротворения» — *Суунаг Цагаан баруун зүүн хоёр мөрөн дээгүүрээ хоёр гал могой давуулад, тэр хоёроос нь маанийн зургаан үсэг гэрэлтэж байх юм гэнэ* [6, с. 40]. Данное описание мангуса — противника Хар-батора отличается ярко выраженной буддийской направленностью. Четко наблюдается контаминация в атрибутах: в описании буддийские письмена, в данном случае мантры, написаны (и светятся) на двух огненных змеях. Как известно, письмена в буддийской традиции обычно пишутся на полотнах, а тут вызывают удивление именно надписи на змеях, являющихся, скорее всего, символами добуддийской традиции.

Буддийское божество Шагжамуни, будучи вставным, не исконным персонажем в текстах монгольских эпосов, чему имеется немало доказательств, также представляет особый интерес в плане взаимодействия с Хормустой, получившим статус верховного небожителя.

В «Галвын улгэр» Шагжамуни, будучи владыкой кальпы (галвын эзэн), следит за тем, что происходит в мире живых существ. Заметив однажды, что мангусово племя начинает губить людей, Шагжамуни спешит доложить об этом Хану Хурмасту, который уверяет его в том, что «батыры, рожденные им на земле», должны в предназначенный срок искоренить всех мангусов, а небесное воинство должно добить их стрелами-молниями. Этот эпизод примечателен тем, что показывает приоритет главы тэнгриев Хана Хурмасты перед Шагжамуни, причем последний исполняет роль не власть имеющего, а следящего божества. Отметим, что в прологах письменных версий Гэсэриады, например заинской, ситуация рисуется иная: Хормуста приходит на поклон Шагжамуни и получает от него наказ спустить одного из сыновей на

землю для защиты человеческого рода. В монгольской версии Гэсэриады Шигемуни номинально обозначен в прологе для того, чтобы оставить Хормусте наказ спустить через определенное время (500 лет) на землю одного из своих сыновей для установления там мира и спокойствия. Хормуста вспоминает об этом только спустя 700 лет, когда его дворец дает трещину по неизвестной причине.

Как выясняется благодаря сходной ситуации в унгинской Гэсэриаде, необходимость спасения людского рода происходит в силу наступления тех самых смутных времен, которые предсказал Будда перед уходом в нирвану. В сказительском варианте П. Петрова «Абай Гэсэр» Шубэгэнэ Шутэгтэ бурхан, по словам А. И. Уланова, есть не кто иной, как Шэгэмуни. Это слово стало парным к Шутэгтэ (слово «шутэхэ» означает «поклоняться»). Шубэгэнэ Шутэгтэ бурхан в действии эпического произведения выступает в качестве второстепенного бездеятельного существа [1, с. 6]. Более активную позицию по отношению к статичному буддийскому божеству Шубэгэнэ Шутэгтэ бурхану занимает бабушка Манзан Гурмэ, покровительница Гэсэра. Именно она чаще всего помогает Гэсэру в сложных ситуациях, прочитывая решения в своей желтой материнской книге.

Манзан Гурмэ в иерархии богов как их прародительница сохранилась не только в небесном прологе, она является покровительницей Гэсэра, ведущим персонажем в развитии эпического сюжета. Тогда как Шубэгэнэ Шутэгтэ бурхан предстает статичным божеством, появившимся в улигерном повествовании благодаря позднему влиянию буддизма. Стоит отметить, что бабушка Манзан Гурмэ в небесном прологе упоминается выше Шубэгэнэ Шутэгтэ бурхана, но позиция ее в эпическом действии меняется, и в призываниях она занимает позицию ниже по отношению к буддийскому божеству. Вероятнее всего, здесь сказалась ламаистская обработка текста, в результате которой буддийский Шубэгэнэ Шутэгтэ бурхан искусственно поднимается выше Манзан Гурмэ, одного из самых древних мифологических персонажей.

Первое упоминание Шубэгэнэ Шутэгтэ бурхана встречается в прологе при перечислении ряда персонажей, которые есть у западных тэнгриев. Затем буддийское верховное божество и Хормуста встречаются в качестве двух действующих персонажей в начале эпического сюжета, причем их появление имплицитно связано с рождением Гэсэра: Шубэгэнэ Шутэгтэ бурхан сидит на троне и к нему заходит Хирмас со словами о промоченной обуви. Эта картина рисуется в эпосе с позиции Наран Гохон, земной матери Гэсэра, которая пошла по следам и подсмотрела встречу Хана Хирмаса и Шубэгэнэ Шутэгтэ бурхана. После этого происходит чудесное появление на свет сестер Гэсэра и его самого. Хотя роль Шубэгэнэ Шутэгтэ бурхана в этой сцене все же эпизодического плана, буддийское божество выступает в бурятской Гэсэриаде в качестве действующего персонажа. Поэтому эпизод с его участием, который нами рассматривается, является в известной мере показательным для определения степени буддийского влияния на устную эпическую традицию бурят.

Как выясняется в результате рассмотрения пантеона божеств в эпосе «Галвын улгэр», тэнгрии буддийского происхождения играют достаточно

значительную роль в самом эпическом действии. При этом сравнительное рассмотрение эпосов помогает обнаружить традиционные мотивы, сопоставление которых позволяет вывести не только их взаимозаменяемость, последовательную частичную трансформацию под влиянием буддийской редакции, но и полное исчезновение этих мотивов в пределах рассматриваемого материала. Так, нами выделены мотив покровительства главному герою, мотив уничтожения людей, мотив вмешательства божества буддийского происхождения в жизнь земных людей.

Нами выявлены роль и статус привнесенного буддийского божества Шагжамуни и его место в эпическом действии эпоса «Галвын улгэр», что явилось результатом рассмотрения этого эпического произведения в сравнении с подобными по содержанию бурятскими и монгольскими эпосами. Так, установлено, что в самом архаичном из рассматриваемых нами эпосов, в эхирит-булагатском варианте Гэсэриады «Абай Гэсэр-хубун», роль верховного божества принадлежит прародителю тэнгриев Эсэгэ Малану. Именно его имя звучит на месте главного из божеств в небесном прологе в сказительском варианте Маншута Имегенова. Кроме этого, в подтверждение высокого статуса этого небожителя следует сказать, что Эсэгэ Малан как прародитель тэнгриев упоминается в разного рода шаманских обрядах. В лице тысячи светлых бурханов это божество покровительствует Гэсэру в мире людей. Следующим по времени возникновения является сказительский вариант унгинского улигершина Пеохона Петрова «Абай Гэсэр», в котором место Эсэгэ Малана как покровителя героя-богатыря в унгинской версии эпоса «Абай Гэсэр» занимает Манзан Гурмэ, помогающая Гэсэру на протяжении всего эпического действия. В монгольской же версии Гэсэриады основным покровителем героя-богатыря выступает Хормуста, который исполняет волю Шигемуни и отправляет на землю своего среднего сына. И, наконец, в рассматриваемом нами хорчинском эпосе «Галвын улгэр» не только покровителем, но и создателем главного героя Хар-Батора выступает не кто иной как буддийское верховное божество Шагжамуни. Он следит за героем и помогает ему победить особо могущественных мангусов.

Литература

1. Абай Гэсэр-Хубун: Эпосея (Эхирит-булагат. вариант) / зап. Ц. Жамцарано у сказателя Маншута Имегенова; подг. текста, пер. и примеч. М. П. Хомонова; вступ. ст. А. И. Уланова. Улан-Удэ, 1961. 231 с.
2. Владимирцов Б. Я. Монголо-ойратский героический эпос / пер., вступ. ст. и примеч. Б. Я. Владимирцова. Пб.; М., 1923. 255 с.
3. Пропп В. Я. Морфология сказки. 2-е изд. М.: Наука, 1969. 168 с.
4. Путилов Б. Н. Фольклор и народная культура. СПб.: Петербургское востоковедение, 2003. 464 с. (Ethnographica Petropolitana, IX).
5. Хомонов М. П. Монгольская Гэсэриада. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1989. 128 с.
6. Dulam S., Vacek J. A Mongolian Mifological Text. Praha, 1983 // Dulam S., Vacek J. A Mongolian Mifological Text. Ulaanbaatar, 2008.

BUDDHIST DEITY IMAGE IN THE EPIC “GALVYN ULGER”
 (“LEGEND OF THE KALPA”)

Erzhena B. Ayusheeva

Laboratory Research Assistant,

Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, SB RAS,

6 Sakhyanovoy St., Ulan-Ude 670047, Russia

The article is devoted to definition of the role and status of the Supreme Buddhist deity in the Mongolian epos “Galvyn Ulger” in the comparative aspect of the eposes based on tengrism. The sequence of replacing the original epic characters with Buddhist ones is revealed due to the growing influence of this religious teaching on the territory of the Mongolian world. Thus, the introduced Buddhist character Shagzhamuni in some cases substitutes Khan Khurmastu as a deity-patron with obvious Buddhist tendentiousness. In connection with widespread of Buddhism, deity-patron, who in earlier epic texts had been mythological characters of the original cultural tradition, later were replaced by the representatives of the new religion. For comparison, we refer both to oral and written monuments of Mongolian epic, which allows us to represent more fully the transformation of the Buddhist character. The article for the first time discusses traditional for these epics motives and their functioning in the epic text, making it possible to demonstrate the replacement of Buddhist deities with primordial shamanic characters.

Keywords: epic; image; character; Mongolian epos; Buddhist deity; motive; uliger.